

ФОТО: МИХАИЛ МАКАРЕНКОУ / ИЗ АРХИВА К. КАВАЛЕРЯНА

КАРЕН КАВАЛЕРЯН:

«В ШОУ-БИЗНЕСЕ,
ЕСЛИ ИГРАЕШЬ
СО ЗМЕЯМИ,
НЕ УДИВЛЯЙСЯ
УКУСАМ»

В 2008 году я стал рекордсменом конкурса «Евровидение». Под Рождество мы с Киркоровым написали для Ани Лорак Shady Lady. Месяц спустя в Грузии отбор с песней Peace Will Come выиграла Диана Гурцкая. Вместе с прошлогодней балладой Anytime You Need исполнителя из Армении Hayko, Work Your Magic Димы Колдуна от Беларуси и афинской Never Let You Go Билана стало пять стран, исполнители которых представляли мои песни на конкурсе. Прежний рекорд — четыре страны — был поставлен в 1973-м французом Пьером Делано и продержался тридцать пять лет. Я тогда ходил в шестой класс...

ФОТО ИЗ АРХИВА К. КАВАЛЕРИНА

Штирлиц склонился над рулевым колесом и разогнав под сто шестьдесят старенький «мерседес», летел в черноту ночи.

— Кто его учил водить? — спрашиваю Володю Преснякова.

— Стиви Уандер, — отвечает Пресный, давась от смеха.

В лобовом зеркале я с заднего сиденья замечаю, что водитель тоже довольно улыбается Володиной шутке. Теперь я точно знаю: все будет хорошо. Через четверть часа Штирлиц высаживает нас у дачи рядом с Внуково. Навстречу выходит хозяин — Алексей Глызин. Наскоро поужинав, забираемся по крутой деревянной лестнице в домашнюю студию. Володя устраивается на полу с синтезатором и начинает играть, напевая случайные мелодии. Я слушаю его заготовки. Выделяем одну, к которой с ходу пытаюсь прицепить какие-то слова.

За окном — дождь, мне холодно, и в голову лезет сплошь русская хтоническая тоска. Слышу шаги на тропинке. Глухой окрик. Лязг щеколды и голоса в прихожей. Сквозь приоткрытую дверь студии смотрю вниз. Гости уже без верхней одежды — это Жень Белоусов и двое его музыкантов. У ребят отменили гастроль. Начинается гульба, ржач, анекдоты...

Все это не по мне. Накинув куртку, иду гулять. Топаю в никуда, поджигая сигареты одну за другой. Табак я тогда потреблял в промышленных объемах. Отчасти с перестроечной голодухи, отчасти из-за своей тогдашней глупой концепции: «Жить легко и умереть молодым». Бреду по поселку, считаю повороты — чтоб не заблудиться. Вокруг — забвение и мрак. А на каком-то повороте остановился, смотрю — господи, что за красота! Свет из поднебесья пробился сквозь тучи — луна будто ковш меда опрокинула и льется этот мед, весь в мелких пузырьках — то изморось в лунном свете кипит, переливается. Недолго чудо длилось. Опять мрак накатил, но я уже все знал. Во всех подробностях. Явился мне «Замок из дождя». Не имею в виду какой-то визуализированный образ — стены, башни. Речь о тексте — он просто выстроился в голове строчка за

Вообще-то песни я писать не собирался, тем более стихи. Поэты слишком рано умирают... 1992 год

строчкой. В свете тлеющей сигареты записываю строки в блокнот.

Возвращаюсь в дом, где продолжается «праздник отмененных гастролей». Между делом сообщаю Пресному, что все готово. Он садится за инструмент, кладет рядом текст и играет песню. Так что на вопрос «Как вы написали «Замок из дождя»?» всегда один ответ: «С Божьей помощью. Но от бесприютности...»

В 1994-м «Замок из дождя», одноименный альбом и концертная программа собрали все возможные музыкальные награды от «Шоу года» до «Альбома года», а количество кавер-версий на песню вообще не поддается исчислению. Мог ли я, обычный москов-

ский мальчишка, ожидать, что Судьба сдаст мне такие карты?..

Я родился шестьдесят лет назад в роддоме имени Грауэрмана на Арбате. Дед по материнской линии оплатил мое появление на свет по первому разряду — подготавливаю, отсюда моя любовь ко всему эксклюзивному. Семья, впрочем, была по советским меркам самая обычная: отец — военный, мама — учительница. Оба немолодые — папе, прошедшему войну от первого до последнего дня, на момент моего рождения было сорок восемь, маме — на десять лет меньше.

Сейчас принято ностальгировать по советской эпохе. Но единственное хорошее, что помню из того времени,

это живых родителей. Ну, и еще стадион «Юных пионеров» у метро «Динамо», где на третьем этаже особняка, прилегающего к велотреку, располагалась шахматная школа, которую вела легендарная Людмила Сергеевна Белавенец. С тринадцати до семнадцати лет четыре раза в неделю это место оставалось мне школой и отчасти домом. В обычной школе было холодно и бесприютно: классные комнаты забиты ветхой мебелью, на стенах — неизменные портреты Маркса, Энгельса, Ленина; однокашники, смоящие на переменах под разговоры о битлах и роллингах; яйцеголовые отличники, истово зубрящие хрестоматию по литературе. Уже тогда у меня на

Все бы хорошо, если бы Винокур не забыл, что лучшее — враг хорошего, и после хмельных посиделок не решил сделать меня звездой института

ФОТО ВАЛЕНТИНА МАСЛОВА/ТАСС/СЕРГЕИ «ОГОЛЬКА»

ФОТО: ГЕННАДИЙ ПРОХОРОВ/ТАСС

Когда я поинтересовался, что за текст, парень улыбнулся и смущенно ответил: «Какая разница, моя бздюдюлочка...» Звали его Сергей Пенкин

все было свое мнение. То, что это опасная привычка, я понял, когда на уроке литературы заявил, что во всех злоключениях Владимира Дубровского виноват его вздорный, тщеславный и глупый отец. Эта декларация шла вразрез с уста-

новкой хрестоматии, где Дубровский противопоставлялся богатому соседу Троекурову, считался благородным борцом с несправедливостью и вообще без пяти минут марксистом. Возмущенная училка вкатила кол и вызвала в школу

мать. Мнения своего с годами я не помнил, на этой версии держится мой одноименный мюзикл, идущий более чем в дюжине театров по всей стране. В 1978-м пытка школой закончилась, но началась другая — я поступил

ФОТО: ИЗ АРХИВА К. КАВЫРЯНА

Съемки программы «Музыкальный лифт» с Кутиковым, Сукачевым, Угольниковым и Кормухиной. 1987 год

— Надо было ему за языком следить, — буркнул я в ответ.

— А ты не сам усилек «обезвредил»? — усмехнулась Лола, обращаясь к директору.

— Да ну вас, — обиделся тот и направился к выходу.

— Укатался я что-то. Жарко, — тяжело вздохнул Ободзинский и повалился на диван. От толчка его спинки в подоконник рама пошатнулась и всей тяжестью обрушилась на артиста. Стекло разлетелось на миллион осколков, по счастью не поранив Ободзинскому лицо, но все равно шок оказался велик. На вечернем концерте он спел: «Эти глаза не против» вместо «напротив», но это было совсем несмешно.

Назавтра предстоял выезд в Джизак, однако утром выяснилось, что наш гастролер сбежал в Москву. Видимо, зализывать раны. Как потом рассказали люди, знающие некоторые его привыч-

ки, подобный трюк Ободзинский проделывал с завидной регулярностью.

Из коллектива большой звезды я перешел в скромный женский ВИА «Москвички», с которым и катался до конца августа. Осенью вернулся в институт, но шоу-бизнес — это билет в один конец. На третьем курсе удалось собрать толковую группу из студентов-автодорожников. Профком купил нам аппаратуру. На роль фронтмена я пригласил странного парня, с которым познакомился в актовом зале, куда забрел в обеденный перерыв почитать. Он сидел за роялем и пел Feelings на какой-то диковинной смеси английского, рыбьего и тутси. Когда я поинтересовался, что за текст поет, парень улыбнулся и смущенно ответил: «Какая разница, моя бздюдюлочка...»

Звали его Сергей Пенкин. Надо было или откусить ему тут же голову, или пригласить в группу. Но пел он здорово, поэтому через пару дней я притащил его на репетицию. Руководитель группы гитарист Игорь наскоро показал ему одну из песен, и они тут же начали пробовать сде-

лать ее вместе. В какой-то момент Игорь попросил Пенкина придумать вокализ в третьей части, на что тот легкомысленно ответил: «Зачем, дристатулечка моя? На концерте в этом месте у меня будут такие маечки!» Руководитель фамильярности не стерпел и задумал изощренную вендетту. Дождавшись неестественно высокой ноты, сгоряча взятой Пенкиным, Игорь неожиданно перестал играть.

— У тебя что, там все отрезано? — спросил он у певца, направив на него гриф гитары в место чуть ниже пупка. — Чего верещишь, как кастрат?

Пенкин не торопясь расстегнул пиджак, взялся за молнию и потянул ее вниз.

— По-моему, все на месте! — невозмутимо объявил он, готовый через миг предъявить собравшимся «аргумент».

Из фан-зоны раздались аплодисменты. С этой минуты Игорь разговаривал с Пенкиным крайне уважительно, разве что не на «вы».

К пятому курсу группа развалилась, но мы с Пенкиным друг друга из вида не теряли. Году в 1986-м я познакомился с канадской студенткой, приехавшей в Москву на один семестр совершенствовать русский язык. У меня были встречные планы относительно английского, так что какое-то время мы общались. Однажды она попросила сводить ее в Большой. Билеты туда было не достать, но голь на выдумки хитра — в соседнем подъезде жил балетный из труппы, которого я попросил помочь, несмотря на то что мы едва знакомы. Комплексов я тогда вообще не испытывал. Если надо — шел к цели напрямик, по газонам или минным полям, не глядя на предупреждающие таблички.

Сосед удивился моему напору, но достал контрамарку на дневной спектакль. Сходили мы с барышней на балет, потом я купил пару бутылок красного и потащил канадку в гости к Пенкину на «Парк культуры», где он жил в «однушке» на первом этаже. Из его кухни вел лаз в подвал, тоже принадлежавший Сергею. Стильное местечко — с креслами, диваном, виниловой вертушкой, магнитофоном и даже светомузыкой.

По дороге барышня с упоением рассказывала, как накануне гуляла с друзьями в баре Олимпийской деревни, ко-

торый в народе звали «Молоко». Так вот, когда они изрядно набрались и вышли проветриться, увидели парня, стоящего в фонтане и прекрасным поставленным голосом певшего арии из итальянских опер. Она так ярко живописала его, что у меня появилось смутное подозрение, которое вскоре подтвердилось. В общем, открывает Пенкин дверь, девушка смотрит на него и вдруг кидается на шею, буквально повисая на хозяине. «Это он, — кричит, — это он!» Не знаю уж, кем она меня в итоге посчитала — агентом

КГБ или рядовым ангелом. Но откуда канадской студентке знать, что Москва — маленький город? Если начинаешь общаться в определенном кругу, оказывается, все друг друга знают.

Вообще-то песни я писать не собирался, тем более стихи, а хотел стать продюсером. Поэты слишком рано умирают. Но пришлось научиться. Первую в своей жизни программу я написал институтскому бэнду с Пенкиным и какое-то время совмещал в группе должности продюсера и поэта. Глупая затея.

ФОТО: СЕРГЕЙ МАМОНТОВ И АЛЕКСАНДР НЕМЕНОВ/ТАСС

Крис снял клип о жизни «ночных бабочек». Его гоняли все телеканалы. С этого момента Кельми стал жить жизнью героя своей главной песни

в МАДИ. На втором курсе, на картошке, ко мне прилипла какая-то диковинная ангина, провалялся в бреду чуть ли не месяц, пропустил кучу лабораторных, не успел сдать проекты и в итоге завалил зимнюю сессию. В деканате сжалились и оформили академический отпуск. Я начал подыскивать работу. Дядя, известный пианист Левон Оганезов, предложил Москонцерт. Так все и началось...

На первые гастроли я отправился техником по аппаратуре, а по сути звукорежиссером при безымянной концертной бригаде, колесившей по астраханским лиманам и выступавшей в сельских Домах культуры. Начальство отчего-то решило, что полтора года обучения в МАДИ превратили меня в специалиста по звуку. Переубеждать я никого не стал. Перед первым концертом в ДК рыбпромхоза «Красный путь» подключил кабели к усилителям и колонкам, а микрофоны напрямую в пульт, и... отчего-то все заработало.

На следующие гастроли я уже отправился с большой звездой — Валерием

Ободзинским. Поездка не задалась с самого начала. Прилетев в Самарканд, мы разгрузили аппаратуру и оставили ее на сцене филармонии, где должны были пройти завтрашние концерты. Утром с музыкантами вернулись, чтобы настроиться, и оказалось, что один усилитель бесследно исчез. «Это ты его упер и местным лабухам продал», — заявил мне директор певца. В ответ я двинул правой без замаха и попал ему прямо в нос. Кровь хлынула ручьем, залив бедолаге белый пиджак.

В перерыве между концертами меня позвали в гримерку к Ободзинскому. В огромной комнате на подоконнике стояла снятая с петель рама. В здании филармонии шел ремонт. К окну был придвинут диван, на котором расположился директор. Ободзинский, переодевшись в спортивный костюм, мерил шагами комнату. Его молодая жена Лола сидела в сторонке, раскачиваясь на стуле.

— Чего ты руки распускаешь? — спросил Ободзинский.

Будучи махровым дилетантом, я превращал в ямбы все что движется и однажды неудачно зарифмовал фамилию завкафедры военной подготовки. То есть сама рифма получилась что надо. Просто объект эпиграммы выбрал неудачно. Тем более что перед защитой диплома нам предстоял по его предмету госэкзамен. Попытки объяснить ни к чему не привели. Он просто не стал меня слушать. Пришлось искать обходные пути. Один из них привел в кабинет председателя профкома института.

— Не сдашь ты экзамен, — посочувствовал профбосс. — Вояки тебя живьем сожрут. Разве что к Седьмому ноября кого-нибудь из артистов нам привезешь. Бесплатно.

— Винокур подойдет? — спрашиваю.

— Шутишь? — улыбнулся он.

Но я и не думал шутить. Мой дядя Левон Оганезов, чье легкомысленное предложение поработать в Москонцерте привело меня четыре года спустя к явному разладу с реальностью, как раз сопровождал тогда Владимиру Натановичу. Видимо, дядя счел себя косвенно виновным в возникшей проблеме, поэтому на праздничном вечере, посвященном очередной годовщине Октября, в МАДИ выступал Винокур.

Он вальяжно вышел на сцену, выдал порцию шуток, рассказал пару забавных историй и под гром аплодисментов удалился за кулисы. Сквозь их бархатные складки я наблюдал за хохочущим в первом ряду заведующим военной кафедрой.

Эстафету у Винокура принял Владимир Этуш, у которого, как выяснилось, в МАДИ училась племянница. Винокур же открыл вторую, наиболее волнительную для меня часть своего шоу. Зрителей у него на сей раз было немного, в кабинете директора клуба собралась дюжина человек — представителей партийной и хозяйственной элиты института. Стол ломился от закусок и спиртного. Все ждали вступительного слова.

— Сынка нашего не обижайте, — попросил Винокур, по-отечески приобняв меня за плечо.

— Дык... как можно... — зарделся профбосс.

— А мы со своей стороны культурно поддержим институт, — обнадежил его артист.

— Тогда, может, вы... смородиновую мою продегустируете? — выпалил неожиданно осмелевший лидер профсоюза. — Сам давил. Мэйд ин Нахабино.

— А что, — согласился Винокур. — Пожалуй, налей...

— Так вы насчет шустрика своего не беспокойтесь, — пообещал профбосс, разливая по рюмкам смородиновую. — Устроим в лучшем виде. В грязь лицом не промахнемся.

Все бы хорошо, если бы Винокур не забыл, что лучшее — враг хорошего, и после хмельных посиделок от пере-

избытка чувств не решил сделать меня звездой института. Когда Этуш завершал выступление, на сцене вновь появился Владимир Натанович. Сердце мое запылало от дурного предчувствия. Винокур подошел к микрофону, обнял Этуша, и зал замер в предвкушении.

— Знаете, почему мы сегодня здесь выступаем? — огорошил публику артист. — У Владимира Абрамовича здесь

племянница учится, — торжественно объявил сатирик. — А у моего пианиста — племянник!

— Кто?! Кто?! — зашумел зал.

Этуш удивленно вскинул кустистые брови, но мудро промолчал. А Винокур ответил. Участь моя была решена. Документы об отчислении подписали по ходатайству бравого подполковника, с наслаждением вкатившего мне «неуд»

В метро мне в голову пришла идея, и я, боясь забыть ее, записал фрагменты на своих белоснежных кроссовках. Текст назывался «Старый отель». Песню отдал группе «Браво»

на госэкзамене по военной подготовке. Профбосс, как и обещал, «не промахнулся» лицом в грязь. Меня отчислили за пару месяцев до защиты диплома, что определенно отняло у родителей несколько лет жизни. Никого не виню в этом, кроме себя. Обиднее всего то, что пострадал я из-за глупой эпиграммки, так что статус невольника чести мне явно не светил. С другой стороны, что значит пострадал? Случись такое лет сто назад, этот вояка того и гляди застрелил бы меня на дуэли.

Весной 1985-го Тимур Муртузаев, бас-гитарист «Браво», прежде игравший в моей институтской группе, притащил на репетицию к Хавтану. Я тогда уже писал тексты чуть ли не всем подряд, а у ребят по этой части были проблемы — певица и штатная писательница группы Жанна Агузарова была арестована и выслана из Москвы за подделку документов: она вклеила в чужой паспорт

рили и ждали, пока она расправится со своей сигаретой, истлевшей почти до фильтра.

— Да, бросай уже, — в сердцах обронил Варган, — меньше носа осталось.

Жанна смерила его презрительным взглядом, пульнула бычок в кучу мусора, протянула шутнику руку, пожала ее и демонстративно вытерла о брюки. Затем повернулась ко мне. Глаза ее сверкнули — холодно и зло.

— Я маленькая рыжая белка, — напомнила она строгим голосом и сорвалась с места.

Нос был ее «слабым звеном». Варган, сам того не желая, нанес ей болезненный удар.

Летом 1986-го группа «Браво» отправилась в студенческий лагерь в Алуште играть на танцах, и там «Старый отель» пел Тимур Муртузаев. Через неделю Агузарова все прощелкала — песня проходила на ура. Подошла к Жене Хавтану

и сказала: «Передай этому, что я согласна

петь ваш «Отель». Этот — Тимур — не только играл с ней в группе, но и спал влетом на одной кровати. На диванчике в том же номере расположился саксофонист Саша Степаненко.

Осенью того же года «Браво» стала сенсацией московской «Рок-панорамы», и «Мелодия» предложила им издать пластинку. В нее включили «Старый отель». Со мной связался редактор и поставил ультиматум: либо я вписываю в соавторы кого-то из худсовета «Мелодии», либо песня вообще не появится на пластинке. С этого момента в моей жизни начался реальный шоу-бизнес. С клыками и когтями. Редактора я послал, причем в самых непарламентских выражениях, какие только знал. Следом написал официальное заявление директору «Мелодии» и в ВААП (сейчас РАО. — *Прим. ред.*). Редактора уволили, но мне его не жаль. В шоу-бизнесе, если играешь со змеями, не удивляйся укусам.

Вскоре мне позвонил новый редактор Юра Потееenko, извинился за предшественника и оформил авторство песни на пластинке надлежащим образом. Спустя четверть века я написал текст к Параолимпийскому гимну композитора Потееenko, который на открытии Игр в

Сочи-2014 исполнили Хосе Каррерас и Диана Гурцкая.

Во второй половине восьмидесятых в стране началась невиданная прежде движуха. Горбачев объявил перестройку, ускорение, безалкогольную программу и еще много чего чуднóго. Загнанные в андеграунд рок-группы выползали на свет божий. Я писал для всех и каждого, в частности сделал несколько песен в дебютный альбом «Черного кофе» и «Бригаде С». «Бродягу» и «Человека в шляпе», кстати, Гарик Сукачев поет до сих пор. Для бас-гитариста «Машины времени» Александра Кутикова я сочинил вообще весь его первый сольный альбом — «Танцы на крыше». Но самой большой победой в рок-н-рольный период стало «Ночное randevу», написанное для «Рок-ателье».

Знакомство с Крисом Кельми на фестивале Московской рок-лаборатории помню, будто это произошло вчера. Он,

сидя за полуразрушенным пианино, он

наиграл мелодию будущего «Ночного

randevу». Через полчаса у меня уже были

готовы припев и два куплета. С песнями я тогда подолгу не церемонился, считая, что они пишутся сразу или никогда.

Вскоре Крис снял на песню клип о жизни «ночных бабочек». Его гоняли все телеканалы страны. С этого момента Кельми стал жить жизнью героя своей главной песни. Он обижался, когда я отказывался участвовать в его увеселительных мероприятиях, но чрезмерно доступные девушки мне не нравились никогда. А Крис, хотя с годами его лоск пообтрепался, красоток не пропускал до самого конца.

«Ночное randevу» — песня, которая открыла мне двери из андеграунда в настоящий шоу-бизнес. В начале девяностых я сделал резкий поворот к попсе. Это был естественный вираж: рок-культура к тому времени выдохлась. Последний мой рок-проект — «Парк Горького». Мне посчастливилось написать для них несколько англоязычных

свою фотографию и была поймана с поличным.

Мы быстро перезнакомились, а потом парни сыграли одну тему. На обратном пути в метро мне в голову пришла идея, и я, боясь забыть ее, записал фрагменты на своих белоснежных кроссовках. Текст назывался «Старый отель». Вскоре вернулась Агузарова. Песня ей не понравилась, и она отказалась ее петь. Впрочем, скорее, ей не понравился автор. Жанне тогда все твердили, какая она гениальная, а я помалкивал. Отношения у нас как-то сразу не задались, что понятно — она считала себя крутым автором текстов. Разок я попытался растопить лед и пригласил ее на выставку кубистов на Малую Грузинскую. Пока ждал Жанну, неожиданно появился Володя Варган, солист группы «Високосное лето». Агузарова опоздала на полчаса, пробормотала что-то похожее на извинения и уставилась на Варгана.

— Володя, — представился он.

— Я маленькая рыжая белка, — сообщила она в ответ и потащила нас осматривать экспозицию.

Когда в глазах у нас зарябило от геометрических символов, мы с Варганом вышли на улицу покурить. Вскоре присоединилась к нам и Жанна. Мы доку-

песен, одна из них вошла в американский альбом группы, который разошелся почти золотым тиражом в США и Европе.

Я сменил вселенную, но практически не заметил разницы ни в ментальности, ни в содержательной части представителей рок- и поп-бомонда. Кожаные куртки с клепками и брутальный взгляд не должны вводить в заблуждение: и те и другие грезят одним — славой, деньгами и длинными контрактами. Причем по профессиональной части поп-артисты волосатым еще и фору дадут. Во всяком случае те, с которыми работал я.

Не стоит думать, что на свете есть авторы, которые обращают в золото все,

к чему прикоснутся. Неудачи случаются у всех. Я не исключение. Например с Валерием Леонтьевым мы пробовали что-то сделать трижды, но без особого успеха. Последний раз даже с его штатным автором и хитмейкером международного уровня Юрой Чернавским. Но все оказалось бесполезным. Однако поп-культура — дело веселое, поэтому даже если и не случилось хитов, эмоций все равно вдосталь. Наиболее памятен самый первый подход, когда в середине девяностых я сочинил для Леонтьева пару песен с Андреем Мисиним. Директор Валерия Яковлевича незабвенный Коля Кара пригласил нас с женами на презентацию его новой программы в зале «Россия», на месте которого нынче

построили «Зарядье». Прослушав свою первую песню, открывшую концерт, мы с Андреем проследовали в буфет отметить премьеру. Вторая наша песня притаилась в конце отделения.

В буфете взяли по пятьдесят коньяка и обсудили какую-то раннюю пластинку Emerson, Lake & Palmer. Потом добавили и обсудили Jethro Tull. Следом заказали еще два раза по полста... Ретранслятор на стене передавал звук из зала. Не помню, в какой раз по счету мы подошли к буфету, когда Мисин воздел перст к небу и прислушался. «Наша песня играет, — сообщил он и после паузы добавил: — А знаешь мужика, что ее поет? Это я...» Бежать в зал было поздно, уже звучал последний припев. На

С композитором Кимом Брейтбургом мы написали Northern Girl, с которой выиграли российский отбор на «Евровидение-2002». Группа «Премьер-министр». Слева направо: Жан Григорьев-Милимеров, Питер Джейсон, Вячеслав Бодолика и Марат Чанышев

ФОТО: ВЛАДИМИР ТЕРЮЗЕРКАЛО/PHOTOXPRESS.RU/ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ ГРУППЫ «ПРЕМЬЕР-МИНИСТР» В МОСКВЕ

ФОТО: ANDREJ ISAKOVIC/AP/LEAST NEWS

2008-й стал годом триумфа Димы Билана. Россия наконец выиграла конкурс. В номере принимали участие Евгений Плющенко и скрипач Эдвин Мартон

аплодисментах Леонтьев объявил авторов. Мастер по свету направил в ложу пушки. Там в одиночестве стояли наши жены...

Это был совершенно неподобающий демарш. Во всяком случае, с моей стороны. Не только потому, что мы ненароком обидели хорошего артиста — я был молодоженом и не стоило мне оставлять надолго Лике одну. Мы обвенчались буквально за пару недель до концерта, и это один из самых умных поступков, что я совершил в жизни. Мой свадебный подарок был скромен — песня «Ты сделана из огня», исполненная впервые Вадимом Услановым в 1996 году, а позже пере-

петая Володей Пресняковым, Алексеем Чумаковым и еще многими артистами, посвящена ей. Мы вместе уже четверть века, и не счесть случаев, когда жена мне помогла словом и делом, не говоря уже о самых разнообразных идеях, в том числе художественного толка. Ни у кого из нашей общей родни, а мы — троюродные брат и сестра, не было уверенности во мне как в хорошем муже. Кроме Лики. Но я сумел всех удивить. В том числе и себя.

Она девушка редкого ума, самообладания и такта, работает в самой большой московской больнице. Но поскольку не любит афишировать свои достижения,

этой информацией и придется ограничиться. Помню, когда мы только стали жить вместе, позвонила Пугачева по какому-то рутинному песенному поводу. Трубку взяла Лика, поздоровалась и сразу позвала меня.

— Кто это? — спросил я походя.

— Алла Пугачева, — ответила жена ровным голосом, каким сообщают дозировку таблеток, и отправилась диктовать реферат.

От Аллы я всегда старался держаться подальше. Подозреваю, причиной тому мое андеграундное прошлое. Она же была олицетворением истеблишмента. Другого рационального объяснения у

С женой Ликой и сыном Артемом

ФОТО ИЗ АРХИВА К. КАВАЛЕРИНА

меня нет. Тем не менее несколько встреч с ней, повлиявших на мою жизнь и карьеру, случилось.

Познакомил нас Андрей Комаров, режиссер популярнейшей в конце восьмидесятых программы «Музыкальный лифт». В 1989-м он снимал «Рождественские встречи» и притащил меня к Пугачевой домой. Мы посидели часок, а на прощание Алла сыграла вещь, кото-

рую я взялся подтекстовать, что и сделал в ту же ночь.

Это история о девчонке, убежавшей из дома, оттого что у нее полный раздрай с родителями. Я передал текст с Комаровым, и поскольку реакции не последовало, забыл о нем. Спустя пятнадцать лет Алла попросила Андрея Мисина написать сыну друзей песню, добавив: «Скажи Карену, пусть найдет тот текст

про девчонку, что убежала из дома...» Кто способен пятнадцать лет держать в голове чужое стихотворение? Она инопланетянка, верно вам говорю...

В 1997-м, в канун 850-летия Москвы, Пугачева запустила в эфир одну из песен, выкупленных у нас с Мисиним. Называлась она «Московское время» и звучала тем летом из каждого утюга. Перед записью Алле пришлось в голову поменять

в тексте пару слов, и она набрала номер, сохранившийся у нее со времен моего первого визита. Трубку сняла мама и узнав, с кем говорит, чуть не лишилась чувств. Я уже давно жил отдельно от родителей, поэтому мама дала Алле мой новый номер и проболтала с ней верных четверть часа, выспросив у собеседницы обо мне все, что ее интересовало. До этого неожиданного звонка считала меня летящим по жизни, что скорее всего было правдой. Но разговор с Пугачевой маму переубедил. Только ради этого стоило написать ту песню.

В 2005-м Алла записала с цыганской группой «Штар» нашу с Игорем Зубковым «Гадалку». И в самый последний момент вышла с ней в «Песне года». У меня тогда вообще случилась феерия — в финальную программу попали еще четыре хита. По лицам некоторых коллег было нетрудно догадаться, что бы они со мной сделали, представься им возможность.

Двумя годами позже Андрей Мисин завез Алле несколько наших новых песен, одна из которых называлась «Лабиринт». В те же самые дни известный эстрадный артист Григорий Лепс переживал разрыв с продюсером. Гриша, за которого тот много лет решал все репертуарные вопросы, оставшись без поддержки, напросился на встречу к Пугачевой, и Алла показала Лепсу «Лабиринт», пообещав, мол, споешь эту песню и будет тебе счастье. Гриша так и поступил. «Лабиринт» перезапустил карьеру Лепса, чему лично я очень рад.

Во второй половине девяностых, соблазнившись перспективами быстро развивающегося рекламного рынка, я попробовал им заняться. Не сказать, что потерпел фиаско, как и то, что преуспел. В начале 2000-х я вернулся в шоу-бизнес, где, как оказалось, меня никто не ждал. Кто бы сомневался. «Здравствуй» и «Прощай» там произносят почти без паузы. К тому же произошла существенная ротация звезд. Топ-артисты, для которых я написал свои самые известные песни — «Бригада С», Крис Кельми, Володя Пресняков — ушли в тень, а новое поколение знало обо мне не больше, чем об авторе из антологии румынской поэзии восемнадцатого века.

Целыми днями напролет я смотрел музыкальные программы, пытаюсь отыскать хоть какое-нибудь симпатичное мне лицо, пока не увидел группу «Премьер-министр». Я нашел телефон их продюсера Евгения Фридлянда и позвонил, хотя мы не были знакомы. К тому моменту «доброжелатели», не маски-

ФОТО: ВИКТОР ВЕЛИКЖАНИН/ТАСС/ГАЛА-КОНЦЕРТ С УЧАСТИЕМ ФИНАЛИСТОВ ТЕЛЕВИЗИОННОГО КОНКУРСА «ПЕСНЯ 97»

С Валерием Леонтьевым мы пробовали что-то сделать трижды, но без особого успеха. Однако поп-культура — дело веселое, поэтому даже если и не случилось хитов, эмоций все равно вдосталь

руясь, смеялись над моими попытками вернуться и чуть ли не в глаза называли «сбитым летчиком». Однако Женя отнесся к звонку благожелательно.

Конечно, судьба — не трамвай, она не ходит по прямой. Но за несколько дней до звонка Фридлянду, разуверившись в перспективах проекта «Премьер-министр», из него ушел поэт, собиравший с Женей группу. Почти сразу с компаньоном Фридлянда композитором Кимом Брейтбургом мы написали Northern Girl, с которой выиграли российский отбор на «Евровидение». Она стала первой из восьми моих песен для участников из пяти стран, которые были представлены в финалах конкурса, что вскоре сделало меня его рекордсменом. Но в 2002-м об этом еще никто не знал.

Ночь перед конкурсом я провел в баре отеля. Несколько раз возвращался в номер, затем снова шел вниз за очередной порцией виски. Около шести утра в отель ввалились «премьеры» в сопровождении девчонок.

— Вам же сегодня петь... — пролепетал я.

— Все будет о-кэ, чувак, — успокоил меня Марат.

— Порвем всех, как тузик грелку, — пообещал Жаник.

Вечером состоялось шоу. Когда «премьеры» вышли на сцену, мне показалось, что они блее мела. По пятибалльной шкале их выступление тянуло в лучшем случае на тройку с плюсом. Дальше началось голосование. Первые десять стран не дали нам ничего. Потом мы медленно поползли вверх и вскоре болтались на границе первой дюжины. От позора нас спасли румыны, выставив десять баллов, благодаря которым мы запрыгнули на десятое место. Но моя русскоязычная версия конкурсной песни «Девочка с севера» осенью прописалась во всех возможных чартах, выиграв «Песню года» и «Золотой граммофон». Я вернулся.

Следующее «Евровидение» случилось у меня четырьмя годами позже. Афинский конкурс 2006 года стал первым большим российским успехом. До этого наши исполнители собирали в Европе одни тумачи да оплеухи, а выступления

началу трансляции, но ему в студии не нашлось места. Да и я свое обрел лишь благодаря нечеловеческой энергии Ота-ра Кушанашвили, который буквально втиснул меня в ряды юных представи- тельниц фан-клуба певца.

Когда на экранах мониторов появился он сам, девушки в немыслимой ажитации вскочили с мест. Они прыгали и беспрерывно орал, отчего я не услышал ни одной ноты, спетой их кумиром... Во время последнего включения Андрей Малахов сунул мне под нос микрофон, я сказал какие-то дежурные слова и вышел из студии. В тот вечер я был единственным в стране, кого расстроило второе место.

2008-й стал годом триумфа Димы Билана. Россия наконец выиграла конкурс. Не было человека, который больше меня желал этого двумя годами раньше. Но только не в Белграде. Теперь я был по другую сторону. Кроме того, между делом в тот год я стал рекордсменом кон-

курса. Под Рождество мы с Киркоровым написали для Ани Лорак Shady Lady, с которой она выиграла украинский отборочный тур к «Евро». Месяц спустя в Грузии отбор с моей песней Peace Will Come выиграла Диана Гурцкая. Вместе с прошлогодней балладой Anytime You Need исполнителя из Армении Hayko, Work Your Magic Димы Колдуна от Беларуси и афинской Never Let You Go Билана стало пять стран, исполнители которых представляли мои песни на конкурсе. Это был новый рекорд. Прежний — четыре страны — был поставлен в 1973-м французом Пьером Делано и продержался тридцать пять лет. Я тогда ходил в шестой класс. Кстати, в 2008-м имел сто-

процентный шанс написать еще песню для Беларуси и чуть меньший для Польши, но это было бы уже чересчур.

На конкурс в Белград я отправился с Ликой и сыном Артемом в составе грузинской делегации. Мог поехать и от Украины. В день нашего приезда проходил второй полуфинал, в котором выступали обе мои участницы. Первый накануне выиграла гречанка. Билан остался третьим, но при этом лидировал у букмекеров. Говорю же, у них на зарплате какая-то Ванга. Вечером мои участницы выступили уверенно: Диана стала пятой, Каролина с большим отрывом выиграла полуфинал.

Смотреть финал мы отправились в пресс-центр. Поверьте, по атмосфере

лучше места не существует. На входе нас остановил охранник. Проверил аккредитации, с особенной тщательностью изучив мою. Мне стало не по себе — в прозрачном пакете, что я держал в руках, плескалась бутылка виски. Но парень с улыбкой протянул официальный буклет конкурса, сфотографировался со мной и назвал звездой. Никогда такого в свой адрес не слышал.

Каролина и Диана выступали друг за другом под семнадцатым и восемнадцатым номерами. В начале песен, разумеется, шли титры — я прочитал свою фамилию дважды подряд. Не стану лукавить, впечатлило. В номере Билана участвовал фигурист Плющенко, который

иных мегазвезд вообще без дрожи не вспомнить. Успешно выступила только Алсу, но она спела песню американских авторов, что, на мой взгляд, полностью девальвировало ее результат. Все-таки «Евровидение» — это драка, в которой артисты представляют страну, а уже потом себя.

В январе я с малоизвестным тогда композитором Александром Луневым написал для Димы Билана две англоязычные песни, которые не вызвали у меня никаких ассоциаций с «Евровидением». Однако в марте Билан неожиданно всплыл на закрытом внутреннем отборе, где за его участие от России высказались все без исключения эксперты. Наши песни энтузиазма не вызвали. Сейчас уже нет куража вспоминать имена горе-спецов, предрекавших нам провал и голосивших о необходимости немедленной покупки песни за границей. Дима, впрочем, повел себя достойно, объявив, что никакую иную песню рассматривать не будет, поскольку верит в Never Let You Go. Она в итоге и была заявлена.

С этого момента контакт с менеджментом певца был потерян: нас не включили в официальную делегацию, изъяли из всех пресс-релизов, не упоминали в интервью. Менеджмент сделал все, чтобы единственным причастным к успеху оказался Билан. То, что успех грядет, было ясно из голосования в фан-группах конкурса и букмекерских ставок. Букмекеры, кстати, до сих пор являются самыми точными прогнозистами. Не знаю, что за Ванга у них на зарплате..

За финалом конкурса я наблюдал из студии Первого канала, причем попал туда в последний момент благодаря Жене Фридлянду. Если бы не он, смотрел бы финал как Лунев — дома по телевизору. Саша приехал вместе со мной к

В позапрошлом году сыграли премьеру мюзикла «Ромео VS Джульетта XX лет спустя», который я сделал с Аркадием Укупником

ФОТО: ИЗ АРХИВА К. КАВАЛЕРИЯ

В июне я отметил 60-летний юбилей и сам себе сделал подарок — написал книгу. Всегда хотел быть романистом. Мечты сбываются

ФОТО: МИХАИЛ МАКАРЕНКОУ/ИЗ АРХИВА К. КАВАЛЕРИНА

нарезал вокруг Димы круги. Прямо скажу, странное зрелище. Но победителей не судят.

Ани Лорак отчаянно цеплялась за второе место, которое в итоге и выгрызла в самом конце вместе с печенью соперниц. Диана заняла одиннадцатое — лучший результат Грузии за все время участия в конкурсе. Несмотря на поздравления, я чувствовал себя погано. Не секрет, что у судьбы порой нездоровое чувство юмора, но два вторых места за три года — явный перебор. От расстройства чувств дал безумное интервью голландскому телевидению, пообещав на будущий год принести им победу, если получу в качестве сценической поддержки Марко ван Бастена, который будет жонглировать на сцене футбольным мячом. Хорошо, что у голландцев хватило чувства юмора не принимать мои слова всерьез.

впечатляет даже меня — они идут более чем в тридцати театрах, от Минска до Красноярска, от Норильска до Симферополя.

В 2014 году мы достаточно осмелели, чтобы предложить свою работу в столице. Мюзикл «Джейн Эйр» до сих пор с успехом идет в Московском театре оперетты, даже выиграл премию «Звезда Театрала». В позапрошлом году на той же сцене сыграли премьеру «Ромео VS Джульетта XX лет спустя», который я сделал с Аркадием Укупником. Это фантазия на тему, как могла бы сложиться судьба героев великой шекспировской пьесы, если бы они остались живы. К тому времени у меня окончательно исчезли комплексы по поводу уместности своего имени на театральной афише. Я даже стал вышивать диалоги в своих пьесах классическим пятистопником, что было моей давней мечтой. Театральные

Белградская поездка подвела черту не только под моей евровидийной, но и под песенной карьерой. Всегда считал, что уходить нужно на пике. Я еще написал в 2010 и 2013 годах успешные конкурсные песни для участниц от Армении и Украины — Евы Ривас и Златы Огневич, а в 2012-м даже целый альбом с Гораном Бреговичем для Дианы Гурцкая, но уже по инерции. С шоу-бизнесом было покончено. Я вышел и плотно прикрыл за собой дверь.

Четверть века — срок немалый. Наверное, в какой-то момент просто устал от песен. С ними такое дело — первая тысяча еще куда ни шло, а потом появляется одышка. Я всегда любил музыкальный театр, поэтому развитие своей карьеры в этом направлении считал естественным и разумным. Действительность даже превзошла ожидания. В 2009-м увидел свою дебютную постановку — мюзикл «Голубая камей» — на сцене, и участь моя была решена. За ним последовал «Дубровский». Пять лет мы с соавтором композитором Кимом Брейтбурггом ставились только в провинции, «оттачивая перья». Но география этих постановок

проекты разворачивались с головокружительной быстротой, но тут вмешались обстоятельства непреодолимой силы...

В 2020-м все они были заморожены. Пандемия «закрыла» театры и концертные площадки, поставив развлекательную индустрию на грань выживания. Чтобы придумать хоть какое-нибудь занятие, я раскрыл дневники, которые вел с институтских времен, и стал собирать воедино воспоминания, начиная с 1980 года. Итогом стала книга мемуаров «Танцы в осином гнезде». А нынешней весной вышел роман-сериал «Легенды отеля «Метрополь», над которым я работал урывками последние семь лет. Действующими лицами в нем стали Федор Шаляпин, Вера Холодная, Сергей Рахманинов, Иван Мозжухин, Валерий Брюсов, Александр Вертинский. Это история легендарного отеля и людей-легенд в декорациях эпохи русского модерна. В июне я отметил шестидесятилетний юбилей и сам себе сделал подарок — написал книгу. Всегда хотел быть романистом. Мечты сбываются.

Записала Екатерина Бойко